

В. В. КРАВЕЦ¹

«ВОСПОМИНАНЬЕ, НЕ БАЛУЙ...» Об одном стихотворении В. Н. Маккавейского

В статье рассматривается архивное стихотворение «Воспоминанье, не балуй...»² забытого русского поэта начала XX века, уроженца и жителя Киева Владимира Николаевича Маккавейского (1893–1920?). Анализ историко-культурного и литературного контекстов возникновения этого произведения (1919 год, Гражданская война) приводит к выводу о стремлении Маккавейского, жизненном и творческом, оградить искусство и гуманитарное знание от чужеродных ему элементов.

Стихотворение, посвящённое поэту Григорию Петникову, как и ряд стихотворений единственного поэтического сборника Маккавейского «Стилос Александрии» (1918), может быть определено как проникнутое своего рода стоицизмом, предполагающим идею выживания искусства вопреки всему и безразличия к внешним обстоятельствам для творящего.

Ключевые слова: Владимир Маккавейский, Григорий Петников, «киевский Малларме», альманах «Гермес», стоицизм, культура, варварство.

Для многих имя Владимира Николаевича Маккавейского (1893–1920?) и по сей день не утратило своей причудливости, не перестало означать четырёх понятных Эренбургу строк: «Есть седина и есть услада / В том, что широк неверный шаг, / Что мумией легла Эллада / В Александрийский саркофаг» [9, 33]. Но очевидно и то, что самим Эренбургом «широта неверного шага» не была соотнесена со столь им ценным «огромным, неуклюжим, скрипучим поворотом руля» мандельштамовского возгласа «Ну что ж, попробуем...» [12, 135–136], да и со всем герметическим контекстом «погребения в морской стихии» и неизбежного кораблекрушения «Горациева корабля» [9, 86]. Именно отсюда раздаётся всхлип, это меланхолическое заключение о Маккавейском, этот всем памятный вздох Эренбурга: «ему очень хотелось быть александрийцем, но время для этого было неподходящее» [18, 131].

Исполнилось пятнадцать лет со времени выхода в свет избранных сочинений Маккавейского. Задачей книги было привлечь внимание общественности к творениям «киевского Малларме» [2, 290]. Ожидания оправдались сполна.

¹ Виктор Вениаминович Кравец — литературовед, кандидат филологических наук (Кёльн, Федеративная Республика Германия); Viktor-Kravets@netcologne.de

² ЦГАМЛИ Украина. Ф. 440. Оп. 1. Д. 355. Л. 6 [11, 259].

Тем не менее в область сколько-нибудь толкового исследования Маккавейский вовлекается всё ещё крайне редко. Увы, неловкие попытки прочтения герметики «Стилоса Александрии» могут быть вовсе не невинной отсебятиной или безвредной галиматьёй. Если имеешь дело с фактом ложного толкования и упрощения Маккавейского, испытываешь не только неловкость, завещанную самим поэтом¹, но и потребность в семиэтажной брани. Я говорю о представлениях О. Герасимюк о семиэтажности в Киеве [3], где к 1910-м годам царил, как всем ведомо, доходный дом Гинцбурга. Уместней было бы обнаружение в «Сонете-пейзаже» семи сфер тверди небесной [9, 35]. Впрочем, пусть его. Поэту «всё равно» [9, 84]. Но как быть вот с чем: Маккавейский взимает с дулебов и древлян дань верности — чисто символическую и притом беличьими шкурками да ястребиным помётом? Надо полагать, высокое прозвище стихотворца побудило О. Герасимюк заподозрить в нём заодно принца крови (потомка Птолемея?) и наименовать свой проект «Киевская империя Владимира Маккавейского»... Право же, лавры Поприщина не к лицу классику Серебряного века. Куда как милостиво подсказал добрый аноним из всемирной сети новоявленной маккавейсковедше, что грех путать отца и сына — вместо Николая Николаевича Маккавейского (брата Владимира) объявлять почтенного профессора Николу Корнилиевича Маккавейского (отца поэта) автором декадентских стихов в «Гермесе». Ведь получается по Петникову: «пахнет убийством отца и сына» [14].

Только с недавних пор привычное умерщвление подлинника, вызванное вытеснением неуютного и непонятного, начинает постепенно отменяться археологией истории творчества В. Н. Маккавейского. Если и впрямь не отказать себе в праве воспользоваться теологическим по природе словосочетанием свящ. Н. К. Маккавейского применительно к изучению наследия его сына, то стоит уточнить, какой именно смысл уместно вложить в сей строяемый термин [7]. Разумею под археологией истории творчества область собирания, описания и затем последовательного рассмотрения всех установленных и наличествующих свидетельств и всей совокупности подъёмных материалов при углублении раскопок в верно установленном пространстве литературного памятника. Это последнее определение требует примечания, сводимого в существе своём к признанию равнозначными по их выразительности и смысловой наполненности всех без исключения проявлений творца. Однако происхождение материала, как и в археологии, безразлично для изучающего его. По временам же так называемый подъёмный материал оказывается красноречивей фундаментального комплекса, на славу раскопанного учёнейшей экспедицией. Так находят потерянную грабителями золотую фибулу в жерле курганного воровского лаза, архивная находка, которой не придали должного значения, способна пролить свет на пустынную погребальной камеры и немоту саркофага. Слова же самого Владимира Маккавейского о филологических раскопках и их результате как о «вероятии жемчужин в среде, похожей на навоз» надо понимать в том смысле, что ненужная петуху (предпочитающему ячменное зерно) жемчужина при правильном её употреблении доставила бы нашему искателю продовольствия неслыханное число лакомств, способных осчастливить целый курятник (сравни басню Ивана Крылова «Петух и жемчужина»).

¹ «Не понимать меня неловко / Ввиду того что я умён...» [8, 436].

В любом случае именно на страницах «НЛО» М. Л. Гаспаров начал предметный разговор о Маккавейском в рубрике ПОНИМАНИЕ, разбирая поэму «Пандемониум Иеронима Нуля» по зёрнышку¹. Для обнародования нижеследующих заметок о подъёмном материале с той же площадки я считаю это достаточным основанием.

Стихотворение «Воспомианье, не балуй...» сохранилось, по уверениям издателей, в архиве Г. Н. Петникова [11, 259]². Здесь оно красноречиво соседствует с письмами Ю. Терапиано. Такая архивистская коллизия представляется вполне возможной и, как кажется, подтверждается письмом Терапиано Петникову. В этом послании содержится мнение, что если бы Маккавейский жил теперь, то писал бы иначе (?!). Не утруждая здесь читателя историко-архивными подробностями, обращаюсь прямо к тексту Маккавейского.

Воспомианье, не балуй...
 Не стольному ль жилью Олега,
 Чьи измарагд и златоструй
 Святила лунная телега
 Раскольнических аллилуй,
 Последних луней поцелуй
 Проклятья альфа и омега...
 Одно — сварогова басма
 И половчина половица,
 Где шемаханская царица,
 Что киммерийская зима...
 И зорь ли рыжая лисица
 Глядит из турьего ярма...
 17 апреля 1919 Киев

Уместно указать на очевидные подобию в начинаниях Петникова и Маккавейского 10-х гг. Это и переводческая деятельность, и издательские опыты. Причём в альманахе «Гермес»³ Маккавейский выступает в роли публикатора стихотворений многоопытного автора «Поросли солнца» и основателя харьковской «Гилеи»⁴. Интерес обоих поэтов к творчеству немецких романтиков и французских *проклятых*, как и общность некоторых положений в их заметках по теории искусства (здесь я прежде всего имею в виду предисловие Маккавейского к «Жизни Марии» Рильке [9, 199–205] и предисловие к «Леторею» Петникова и Асеева), не исключают возможности их взаимного притяжения и, я бы сказал, признания. Возможно, линия Божидар — Петников — Хлебников, как и линия Клюев — Есенин, мыслилась Маккавейскому параллельной к его собственному направлению, «прециозному», по определению Шкловско-

¹ До тех пор неизданное произведение В. Н. Маккавейского «Пандемониум Иеронима Нуля» было рассмотрено Гаспаровым в круге тем его «науки понимания» на страницах «Записок и выписок» [8, 434–445].

² Нужно отметить, что текст этого стихотворения стал доступен ещё в 2006 году в сборнике «Белая лира» без указания на источник первой публикации [10].

³ Гермес. Ежегодник искусства и гуманитарного знания / Под ред. В. Маккавейского. 1. 1919.

⁴ О Петникове см., напр.: *Парнис А.* Петников Г. Н. // Русские писатели. Т. 4. М.: БРЭ, 1995. С. 571–573.

го¹. Тогда соседство в *Гермесе* сродных самому Маккавейскому Лившица и Мандельштама именно с Петниковым кажется вполне уместным. Предполагавшееся участие Есенина² дополняет картину издательских предпочтений Маккавейского³ и, вероятно, намекает на внимание последнего как к поэзии, так и к «Ключам Марии» московского участника. Взаимодействие Маккавейского с Блоком и Ивановым⁴ разрешилось, как известно, напечатанием в *Гермесе* лишь переводов их стихотворений на французский, что может быть плодотворно осмыслено как отталкивание от Блока «Двенадцати» и от Иванова «Младенчества» [ср.: 13, 693–694].

Подтверждения тому имеются в метафизическом обозрении «Пандемониум Иеронима Нуля» [8]. Строго следуя мысли Шкловского о неизбежности перемен в текущей словесности, Маккавейский идёт на шаг впереди теоретика и категорически возражает против идеи обусловленности появления нового в искусстве самим фактом войны и революции. В комментариях к статье Шкловского, напечатанной в *Гермесе*, помещённых по праву собеседника, но не единомышленника, нужно думать, Маккавейский отказывается революции в порождающей силе на том основании, что за два революционных года, будь это иначе, неизбежно появилось бы нечто новое и равнозначное по параметрам уже архаическому Маяковскому [9, 218–221]. Кажется основательным предположение о том, что «иссякший вдохновеньем Блок», как и «огромный в размер булочной Филиппова Маяковский» [8, 437], мыслятся Маккавейским в равной мере анахронизмом, но вовсе не по причине порождения войной и революцией выразительно и определённо нового, а как раз по причине наличия поэтов круга *Гермеса*. Вопрос о восприятии Маккавейским «Гилеи»⁵ разрешается его тяготением к Петникову. А о «футуристичности» Лившица десятых годов и его близости с Маккавейским уже имеется достаточное разъяснение⁶. Условно говоря, радикализм и европеизм Лившица и Петникова на фоне отрицания возможности революции в самом искусстве и равновеликости наитствований всех видов его и периодов обеспечивает в *Гермесе* место для смысловой доминанты — стихотворений

¹ Шкловский В. Из филологических очевидностей современной науки о стихе [9, 217].

² См.: Летопись жизни и творчества Есенина. Т. 2: 1917–1920 / Сост. В. А. Дроздов, А. Н. Захаров [2005] на страницах ФЭБ. <http://feb-web.ru/feb/esenin/default.asp?feb/esenin/chronics/el0.html>

³ См. Маккавейский В. К сведению: «...И всё таки приходится пожалеть, что близкий приезд в Киев Вячеслава Иванова, Белого и Есенина застаёт сборник уже законченным...» [4, 72].

⁴ Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. М.: Главное Архивное управление, 1979. С. 315–316; Тименчик П. Д. Блок и литераторы // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 4 / Под ред. И. Зильберштейн и Л. Розенблюм. Литературное наследство. Т. 92. М.: Наука, 1987. С. 550; Молодяков В. Владимир Маккавейский. «У злата житниц и божиц...» // Новый Журнал. 215 (1999). С. 283–287.

⁵ См. напр. Кравец В. Гилейский миф о «победе над солнцем» в контексте бюджетлянской мифологии истории // Русистика. 2002. № 2. С. 77–79.

⁶ См. Успенский П. Ф. Поэзия Б. Лифшица 10-х годов и русский футуризм. Автореф. канд. дисс. 2013 и далее [17].

Мандельштама. Внешний же облик издания был, очевидно, определён не столько внутрирасположенными изображениями, сколько предполагавшейся обложкой А. Экстер, как бы заново перековывающей орало на меч, рассекающий и самый молот¹. Данная эмблема достаточно, если не сполна, описывает положение *Гермеса* в круге так называемой борьбы за новую культуру, где, как правило, писателям прошлого предписывалось научить пролетариат творчеству, что, по едкому замечанию Шестова, только унижает обучаемого². Если прибавить к этому тамплиерские сочинения Терапиано, то становится вполне очевидным, что побудительной причиной рецензионного разгрома *Гермеса* в исполнении Аксёнова послужила вовсе не путаная орфография или качество автотипических репродукций, но именно неслыханная дерзость, с содроганием цитирую, «подонков современного общества, именующих себя российской интеллигенцией» [1, 59].

Сказанное позволяет сделать вывод о последовательности и неуклонности исполнения издательского замысла Маккавейского, связанного с его существенным намерением оградить искусство и гуманитарное знание от чужеродных ему элементов.

Стихотворение, посвящённое Петникову, как и ряд стихотворений «Стилоса Александрии», может быть определено как проникнутое духом стоицизма в том расхожем значении слова, которое предполагает идею выживания искусства вопреки всему и безразличия к внешним обстоятельствам для творящего. Именно таким внешним и не существенным для творчества признаётся, прежде всего, пространство, место действия текущей псевдотрагедии. Речь идёт, как явствует из подписи под стихотворением, — о Киеве. Но и время имеет лишь одно свойство — закрепления своими средствами творческого акта. Дата — 17 апреля 1919 года — указывает на год и месяц издания *Гермеса* и встречи с Петниковым, вдохновившей Маккавейского. Стоит подчеркнуть, что определение собственного местоположения у Маккавейского не менее своеобразно, нежели размещение «линии своей судьбы между улитками барокко» [9, 83]. Действительно, слово «Киев» в различных его написаниях, включая латинизированное «KIEW», встречается во всём корпусе известных текстов Маккавейского только в декорации посвящений собственных произведений известному кругу лиц — от Блока и Рильке до Челищева и Чекрыгина. Эта декоративная функция Киева находит своё предельное усложнение в тождестве Киев–Атены, помещённом в выходных данных «Стилоса Александрии». При этом, если уравнивать Элладу и её компонент — Афины, каковая манипуляция и наблюдается во вступлении к сборнику сонетов и поэм, приходится заключить, что в «александрийском саркофаге» покоится и декоративный элемент пространства — Киев. Именно это пространство преподнесено в «Пандемониуме Иеронима Нуля» как

¹ См. обложку Экстер к сборнику *Гермес* в альбоме «Український авангард 1910–1930 років» / Под ред. Д. Горбачов. Київ, 1996. Илл. 58.

² Шестов Л. Что такое большевизм. Берлин 1920. С. 23–27. Ср. также о навязанной Маккавейскому и Эренбургу роли ментора в мемуарах Климента Редько: Редько К. Зрачки солнца. Автобиографическая повесть. Глава 18: Искусство и гражданская война // Студії мистецтвознавчі. 30 (2010). № 2. С. 82–130.

«университетский город, где даже суета не та» [8, 437]¹. Иначе говоря, Киев у Маккавейского представлен как своего рода мнимое пространство, не способное определять наитий и порождать вдохновений. Местопребывание поэта вовсе не откладывает отпечатка на стихию сочинительства и может быть с успехом оценено как безразличное творчеству. С известным основанием Маккавейский удостаивает своего намёка только наличие учебного заведения в городе и отмечает гористость местности, столь утомительную для ищущих признания, а стало быть, по необходимости шествующих. Впрочем, к Киеву можно без натяжки отнести и другой пассаж из «Пандемониума» про то, что поэт вовсе не намерен перепахивать отечество «лукиановой сохою²» [8, 437]. Индифферентизм по отношению к довлеющему и вполне физическому пространству с избытком возмещается метафизическими данностями как в «Стилосе», так и в «Иерониме».

Видимо, именно этого рода стоическая атараксия побуждает Маккавейского заставить замолчать болтливое по своей природе «Воспоминание». В императивном «не балуй» скрыто убеждение в подложности всякого воспоминания и его разновидности — доморощенной истории. Этот окрик, столь часто вырывавшийся в ту пору из глоток мерявшихся силами властителей, сохраняет оттенок просторечия. Но направлен он против самого источника подмены, лукавого основания любого оправдания средствами мнимой национальной истории эпохи кровавых переворотов, против теории достославной родовой дикости. И если племени головотяпов попросту нечего вспоминать, то естественнее всего это делать, погрузиться в амнезию именно в пресловутой матери городов русских, как бы вернуться в исходное чрево. Закономерно, что в следующей строке речь идёт именно об авторе вышеприведённого наименования. А сам Киев рекомендуется, в высшей степени показательным образом, как «стольное жильё Олега». Словосочетание «стольное жильё» в силу своей глубокомысленной парадоксальности отсылает ко всей неестественности и незаконности происхождения Киева в его столичном модусе. Захваченная и обильно политая кровью земля, способная откликаться только на оперное прозвище «Аскольдова могила», земля, которая с момента своего покорения может быть только временным пристанищем, «жилём», обречена стать родоначальницей, прародительницей городов российских. И если «начало славных дел Петра мрачили мятежи и казни», то тем более царственен Петербург. Но для «логова змиева» [5, 168–169], для змеиной же

¹ Ср. также: *Маккавейский В.* От мёртвого духа. Из этюдов несерьёзного мироощущения // Неделя литературы и искусства. 1919. № 1. С. 4. Фрагмент указанного текста был воспроизведён Р. Д. Тименчиком в его работе «Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов» в непосредственной связи с «недавними страхами революционного Киева». По мысли Тименчика, Иннокентий Анненский представлен у Маккавейского как пророк эпохи войны и революции [16, 338]. Необходимо присовокупить к этому напоминание о том, что стихотворение Анненского «Киевские пещеры» является частью «Трилистника Кошмарного», соединяя собою ощущение Анненского со злободневным возгласом Маккавейского: «Декаденство пророчило» [16, 339].

² Лексема «соха» у Маккавейского репрезентирует, как правило, крестьянское начало, силу Микулы Селяниновича. И лишь в данном случае «соха» включена в метафорический комплекс со значением «перерывать», «перепахивать» сатирой целину родной истории.

горы Щековицы¹, где помещается преданием вечное жильё Олега, судьба не приготовила награды. Напротив, книжное собрание Ярослава, эта достославная попытка духовно закрепить низвержение Перуна и преумножить книгочеев на Руси, на деле привела к распространению всякого рода изборников и хрестоматий со слащавыми названиями «Измарагд» и «Златоструй». В свою очередь, этим «святыням», не освящённым ничем, кроме неискоренимого поклонения «небесной телеге» и гадания по звёздам, веры нету. Более того, самый церковный раскол коренится уже в первобытном начётничестве, так что дознание на тему «трегубая или сугубая аллилуя», двоеперстие или щёпоть, само по себе еретично. Исходное лицемерие и неумолчный вопль «выдыбай, боже», перекрывающий лаврские перезвоны, отменяют статус города-святыни и в глазах Маккавейского делают Киев обиталищем магов и заклинателей - «луней» - тех самых, стало быть, волхвов, что предрекли кончину Олега от его же коня (пушкинское понимание рока). Круг замкнут, над городом вечно висит мене-текел-фарес — «проклятья альфа и омега».

Также справедливо, видимо, тождество языческа Руси — «сварога» и язычества великого Поля — «половина половицы». Маккавейский замечательным образом использует здесь и старинное — карамзинское — и современное ему понимание летописной «басмы» как идола и, соответственно, как гравированного портрета «хана». Тогда смысл «две стороны одной медали» относительно язычества Руси и Поля находит речевое обоснование в «басме» и «половице». Эта последняя в значении куска дерева, из которого состоит паркетный пол — куска пола = Поля — соответствует другой створке языческого диптиха: доске Сварога. Таким образом, Маккавейский-рисовальщик и гравёр, поэт и сын священника провозглашает полногласную анафему против скифства-гилейства, панславянизма и панмонголизма. Маккавейскому не ласкает слуха соловьёвское «дикое имя» [15, 95–96]. Да и Крым никакая не «аркадия», а царство ледяной королевы — «шемаханской царицы», чья чара заклета волшебством ещё одного пушкинского «луныя» — звездочёта. Возможно, всезнайка Маккавейский, рассчитывая на догадливость сходного с ним Петникова, предрёк ему крымский пожизненный затвор в кругу потомков ледяных кочевников. Не удивительно тогда, что, прогнав лукавое воспоминание, Маккавейский возводит очи горе и что же видит он на небосводе? Зловещую комету? Лису в хомуте? Какая эмблема висит над Киевом весны 1919 года? Лукавая лисица семенит прочь с заеденным гусём? Плутовка подобралась к курятнику и заглянула сквозь поставленное здесь ярмо? Всё так, но не до конца². Видение неразборчиво, оттого интонация поэта преположительно-

¹ Топоним «щековица» непосредственно связан с образом «змея» (щек) и соответственно с преданием о смерти Вещего Олега. См. напр.: *Брайчевский М. Ю.* Когда и как возник Киев. К.: Наукова думка, 1964.

² Лексема «ярмо» у Маккавейского связана с принуждением, насилием, всевластием рока. Крестьянский колорит «сохи» и «ярма» дополняется образом «телеги» как ещё одной эмблемы победоносного начала русской революции - «мужицкого бунта». Ср. в «Стилосе Александрии» в «Хромых хорях» [9, 77] самоотожествление с богатырём Вольгой, противостоящим победителю Микеле Селяниновичу. Ср. также начальные строки стихотворения «Париа I.»: «Худо. За пахотью хилой / Запад в доспехах Ахилла...» [9, 81]. Стоит обратить внимание на строчки Мандельштама: «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы».

вопросительная, а не волховательски-пророческая. Не предзнаменование ли из «Слова о полку Игореве» вновь в небе страны, где уже два года «беды танцуют от печки в обыкновенном местечке»? [9, 81]

Из сказанного ясно, что Маккавейский далёк от отождествления Киева с «Пандемониумом», во всяком случае, в понимании Мильтона. Скорее, речь идёт о «нулевом» — хронотопе.

Стихотворение «Воспомянъе, не балуй...», назидательное Петникова, вовсе не отменяет данностей отечественной истории, но комбинирует их в том порядке, который исключает саму возможность панегиризации былого. Уроком¹ же для переводчика «Эстетических фрагментов» и «Учеников в Саисе» Новалиса, с одной стороны, и певца «Быта побегов» — с другой, служит уже само название произведения, его первая строка, явно избыточная для двенадцатистишия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнов И. Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Гермес // Художественное слово. 1. 1920. С. 58–59.
2. Гаспаров М. [Письмо] // Кравец В. Разговор о Хлебникове. К.: Проза, 1998. С. 290.
3. Герасим'юк О. Київська імперія Володимира Маккавейського // <http://www.1576.ua/books/2732>
4. Гермес. Ежегодник искусства и гуманитарного знания / Под ред. В. Маккавейского. 1.1919 // <http://www.bibliothek.uni-regensburg.de/ezeit/?2590114>
5. Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. ЛО: Советский писатель, 1988. С. 168–169.
6. Кравец В. Разговор о Хлебникове. К.: Проза, 1998.
7. Маккавейский Н. К. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа, М.: Пролог, 2006.
8. Маккавейский Н. К. [Гаспаров М. Записи и выписки] // НЛО. 1997. № 25. С. 436–439.
9. Маккавейский В. Избранные сочинения / Предисловие, подготовка текстов и публикация В. Кравца и С. Руссовой. К.: Знание, 2000.
10. Маккавейский В. Русская Вандея // Белая Лира. Антология поэзии Белого движения / Сост., автор вступ. статьи В. В. Кудрявцев. Смоленск: Русич, 2006.
11. Юрий Терапиано и Григорий Петников: диалог через двойной занавес // Предисловие, подготовка текстов и публикация И. М. Невзоровой и А. Д. Тимиргазина // Серебряный век в Крыму: Взгляд из XXI столетия. Материалы Шестых Герцыковских чтений в Судак / Сост. Т. Жуковская, Е. Калло. М.–Симферополь: Дом-музей Марины Цветаевой. Крымский центр гуманитарных исследований. 2011. С. 241–259.
12. Мандельштам О. Сумерки свободы // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993.

¹ Маккавейский-морализатор весьма многообразен. Ср., напр., в прологе к пьесе «Пьеро убийца»: «Можно поставить точку / Даже в самом начале» [9, 99] или «Но надо быть мудрей, чем предки, / И праведнее, чем отцы». (Слова Маккавейского, ставшие эпиграфом к эссе Сувчинского: *Сувчинский П.* Предисловие // Блок А. Двенадцать. София [1920], С. 3, републиковано в сборнике: Александр Блок. Pro et Contra. СПб.: Издат. Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 304.)

13. *Обатнин Г.* Смерть Вячеслава Иванова в оценке русской зарубежной прессы // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 684–721.
14. *Асеев Н., Петников Г.* Леторей. М.: Лирень, 1915; <http://www.ruslit.traumlibrary.net>
15. *Соловьёв В.* Собрание сочинений / Под ред. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. Т. 12 [Фототип. изд.]. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969.
16. *Тименчик Р.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации / Под ред. Р. Вроон и Д. Мальмстада. М.: Наука, 1993. С. 338–348.
17. *Успенский П.* Неизвестный отзыв о футуристической поэзии Бенедикта Лившица // Авангард и остальное: сборник статей к 75-летию А. Е. Парниса. Под ред. Х. Баран и др. М.: Три Квадрата, 2013. С. 358–364.
18. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга вторая // Новый мир. 1961. № 37/1. С. 91–152.